

Чёрный рынок всегда находился на окраинах столицы, прячась в тени могущественных капиталов и хитроумных связей. Снаружи это выглядело как сборище мелких преступников, но на деле сеть была настолько разветвлённой и продуманной, что поймать хотя бы одного “крупного карпа” за все эти годы так и не удалось.

Любая ошибка в цепочке — и всю линию тут же обрывали, сжигая следы. Властям удавалось раскрывать десятки сделок, но ни разу — не выйти на тех, кто стоял за всем этим.

Восемь вечера. Аукционный дом Цинбай.

Ци Хань прибыл точно в срок.

Это было место, где собирались сливки общества. Каждый год тут продавались тысячи антикварных вещей и картин, два крупных аукциона — весенний и осенний, и множество малых, поделённых по сезонам и типам товаров.

Сегодняшний аукцион был одним из таких малых вечерних. Всего сорок семь лотов. Ци Хань ждал последний.

Маленькая фарфоровая чашка с зелёной глазурью, с тонкой трещиной вдоль корпуса и алой кромкой на дне.

Очевидно, что это был не более чем старый, испорченный экземпляр. Но он был заявлен как самый ценный лот, потому что сам по себе ничего не стоил. Настоящая драгоценность была в коробке за стеклянной витриной, внутри которой и лежала та самая железа с начальной ценой в три миллиона.

Железами открыто не торговали. Поэтому всякий раз выставлялась подставная вещь — старая книга, фарфоровая статуэтка, сломанный браслет. Те, кто понимал, что к чему, поднимали ставки не моргнув глазом. А те, кто пришёл из праздного любопытства, могли хоть десять раз поднять табличку — до них это так и не дойдёт.

— “А теперь лот номер сорок семь, наша главная звезда вечера: чашка с зелёной глазурью, стартовая цена — три миллиона.”

Молоток ведущего тяжело ударил по столу, и зал тут же зашумел. Цены поползли вверх. Не прошло и трёх раундов, как сумма перевалила за пять миллионов.

Ци Хань сидел во втором ряду с конца, в самом неприметном углу.

Ноги небрежно скрещены, на лице маска. Белая рубашка с вышитыми облачными узорами на манжетах, на запястье массивные старинные часы. От движения едва заметно тянуло запахом соснового дыма и чернил, а в левой руке он вертел складной веер, который только что выиграл

на предыдущем лоте.

Со стороны могло показаться, что это какой-то молодой господин, помешанный на древностях.

Никто бы и не подумал, что этот спокойный, утончённый человек под маской — тот самый председатель торговой палаты, чьё имя гремело по всему городу.

Ци Хань оставил пальто в раздевалке ещё на входе. Таковы были правила: никакой электроники, никаких лишних вещей, анонимность была на первом месте, особенно на ночных торгах.

Он прислонился плечом к спинке кресла и прикрыл глаза, позволяя себе хотя бы ненадолго отпустить напряжение. Внутри было удивительно тихо, словно ни голосов, ни гомона, ни лихорадочного замиранья сердец в этом зале вовсе не существовало.

“Пять миллионов двести тысяч!” — кто-то выкрикнул цену, и ведущий тут же поднял молоток.

Ци Хань медленно выдохнул, пальцы на табличке слегка напряглись. Это было последнее желание в его списке. Он уже давно всё решил.

— Вам, похоже, неинтересен этот лот? — сосед справа заговорил с ним тоном, в котором угадывалось любопытство. — Судя по всему, вы уже купили три антиквариата за этот вечер.

Ци Хань даже не повернул головы, продолжая лениво смотреть прямо перед собой. Он неспешно отпил чай, и только тогда коротко бросил:

— Достаточно.

Это значило, что его квота на этом аукционе уже исчерпана.

Но стоило фарфоровой чашке тихо стукнуть о стол, как в двух метрах позади, один из телохранителей в маске поднял табличку:

— Восемь миллионов!

Щедрость, с которой он это сделал, вызвала мгновенный гул в зале. Но не успела сумма улечься, как справа ещё один телохранитель поднял табличку:

— Десять миллионов!

— Вот это да! Размах-то какой! Кто эти двое, а? — раздался чей-то шёпот.

— Без понятия. Но разодеты не как простолюдины, это точно. Вот только вкус у них странный... Десять миллионов за побитую чашку?

— А, брось. У богатых свои причуды.

Аукцион продолжался, но Ци Хань жестом приказал телохранителям больше не поднимать ставки.

Это был один из способов выявить конкурентов. Если цена давно перевалила за тройную стоимость фарфоровой чашки, а её всё равно продолжали раздувать, то за дело взялись либо полные дураки, либо те, кто пришёл за железой.

После десяти миллионов в игре осталось трое. Среди них — тот самый незнакомец, что пытался разговорить его.

— Пятнадцать миллионов! — объявил тот, подняв табличку, и зал тут же взорвался удивлёнными возгласами. А затем, не опуская руки, он вдруг наклонился ближе к Ци Ханю и почти шепнул:

— Ци Хуэйчжан.

Один из телохранителей тут же напрягся, готовый развернуться и вытащить оружие, но колено Ци Ханя чуть сдвинулось вперёд, впиваясь в бедро охранника, и тот, скрипнув зубами, остался на месте.

Сам Ци Хань не удостоил незнакомца даже взглядом, не дрогнул ни единый мускул. Словно вообще ничего не услышал.

— Что, я, кажется, обознался? — незнакомец не выглядел ни капли смущённым.

Ци Хань наконец поднёс к губам чашку, отпил и равнодушно ответил:

— Извините, что вы сказали?

— Да нет, ничего. Продолжайте. — Незнакомец хмыкнул и откинулся обратно, будто ничего и не было.

Чтобы эта железа покинула аукционный дом, сделка должна была пройти идеально чисто, без малейших подозрений. Ци Хань уже успел выиграть два антиквариата, чтобы замести следы, и даже специально заставил телохранителей поочерёдно поднимать ставки.

Но теперь, когда незнакомец попытался его разговорить, Ци Хань наконец-то узнал, кто это был.

Среди всех конкурентов только трое всерьёз боролись за железо. Первые двое поднимали цену ровно на пятьдесят тысяч за раз, не больше и не меньше. Лишь этот незнакомец нагонял ставки с размахом — по миллиону сразу, будто боялся, что потратит слишком мало.

И это при том, что всё, что на нём было ценного, — это зажим для галстука. Причём подделка.

“Тот, кто не может позволить себе такие ставки, но намеренно их завышает, явно хотел раздуть цену до максимума. — холодно подумал Ци Хань, невозмутимо скрестив ноги. — Кроме как идиот или охотник за железами, тут других вариантов быть не может.”

В наши дни железы стали ресурсом настолько редким, что их стоимость на чёрном рынке взлетела до заоблачных высот. Законы ужесточались, наказания становились всё суровее, но это лишь привело к появлению новой, ещё более грязной профессии — охотников за железами.

Эти люди проникали на аукционы и терпеливо ждали момента, когда появится нужный лот. А затем, дождавшись окончания торгов, следили за покупателем и нападали на него по дороге. Они не брезговали ничем, лишь бы завладеть железой и перепродать её по ещё более высокой цене.

Потому-то на чёрном рынке и ходила пословица:

“Сохранить железу труднее, чем купить её.”

Ведь охотники были настоящими головорезами, и завладев железой, они не оставляли в живых её бывшего владельца.

— Вижу, вы сегодня не особо интересуетесь лотами, но вот эта чашка вас чем-то зацепила? Нравится её работа? — Ци Хань повернул голову к соседу, будто случайно бросая пробный вопрос.

— Нравится, конечно, — незнакомец усмехнулся, глаза его весело блестели. — Вещи времён Хань, да ещё и в таком состоянии, даже с небольшими изъянами выглядят прекрасно. А как искусно нанесена красная полоса на дне! Настоящий шедевр.

— Знаток, вижу, — Ци Хань кивнул, сохраняя невозмутимое выражение.

“Какой к чёрту знаток, — холодно подумал он, глядя на собеседника. — Это же метка из киновари.”

Теперь, когда личность этого человека была очевидна, Ци Хань приказал телохранителям действовать быстро. В итоге железа была выкуплена за семнадцать миллионов.

Аукцион закончился. Незнакомец поднялся с места одновременно с Ци Ханем, и они случайно столкнулись плечами.

— Извините, вы в порядке? — тот тут же поддержал его за спину, вежливо улыбаясь.

— Ничего страшного. — Ци Хань коротко кивнул и тут же свернул в сторону туалета.

Как только дверь за ним захлопнулась, он с холодной мрачностью извлёк из-за пояса рубашки маленький круглый диск. Трекер. Незнакомец успел прилепить его в тот момент, когда якобы случайно прикоснулся.

“Чёртов сукин сын,” — губы Ци Ханя чуть дёрнулись в горькой усмешке.

Он был уверен, что незнакомец не узнал его в лицо, но тот уже точно понимал, кто из троих покупателей руководил телохранителями.

Ци Хань хмуро тронул наушник:

— Активируйте план Б.

Через пять минут из туалета вышли два альфы, один в один похожие на Ци Ханя — та же одежда, те же маски, даже часы и манеры. Они скрывали лица масками и держали в руках два одинаковых ящика с лотами.

Один из них направился к центральному входу, второй к боковому. Оба сели в разные машины и, не задерживаясь, уехали. На рубашке одного из них был прикреплен тот самый трекер.

В ящиках были только два обычных антиквариата, которые Ци Хань выиграл до этого. Их сопровождала ещё одна машина с охраной, и все они направились в центр города.

— Если заметите охотников за железами — вызывайте полицию. Чем больше шума, тем лучше. Пусть рюют хоть всю машину. Там всё чисто, — отдал он приказ в наушник, глядя в окно.

А в это время сам Ци Хань, сменив маску на простую тканевую, залез в выдающую виды Сантану и выехал по окружной, направляясь к прибрежной трассе.

Железа была при нём. Он обязан был доставить её в больницу, не привлекая внимания и не оставляя следов.

Если охотники пойдут за ним, то только на безлюдных участках, где не было камер. Дорога через прибрежный район в объезд города была лучшим вариантом — её Ци Хань не раз проверял.

Ему оставалось только проехать её без единой ошибки.

Когда Ци Хань вышел из аукционного дома, уже было десять вечера.

Прибрежная трасса шла вдоль гор, с одной стороны отвесные скалы, с другой — обрыв, ведущий к самому морю. Видимость здесь ночью была почти нулевая, а влажный морской воздух размывал линии на дороге и делал покрытие скользким. Немудрено, что в это время никто не рисковал ехать по этому маршруту.

— На следующем повороте сворачивай на окружную, к пригородам, — бросил он водителю. Кроме водителя в машине было ещё трое телохранителей.

— Понял, председатель.

Тишину ночи разорвал внезапный телефонный звонок. Ци Хань глянул на дисплей и взял трубку. Это был один из тех, кто играл его роль.

— Председатель, охотники идут за нами.

Ци Хань только чуть расслабил плечи, выдыхая.

— Понял. Наведите шуму. Можете немного...

Он не успел договорить. Яркий свет фар вдруг ударил в лобовое стекло, слепя так, что глаза заслезились. Впереди из-за поворота вылетел грузовик, ревя мотором.

— Чёрт! — водитель судорожно дёрнул руль влево, пытаясь уйти в сторону, но тут же за спиной проревел мотор мотоцикла.

— Осторожно! — выкрикнул Ци Хань, но в ту же секунду ночь разорвал громкий хлопок выстрела.

Пуля пробила боковое стекло и ушла в сиденье водителя. Ци Хань успел лишь рвануть его за плечо, оттаскивая вбок, и в то же время всем телом ударил по рулю, разворачивая машину.

Сантана пронеслась назад, как скользкая рыба, почти выскользнув из двух огненных потоков. Мотоциклист и грузовик на полном ходу врезались друг в друга, и от удара мотоцикл с

грохотом сорвался вниз с обрыва, таща за собой ревущий грузовик.

— Чёрт подери, они заодно! — выругался один из телохранителей, вглядываясь в тёмную дорогу.

Ци Хань не тратил времени. Резко ударил по сиденью, приподнимая его, и одной рукой ухватил перепуганного водителя, буквально за шкуру перетащив его на соседнее сиденье. Сам же скользнул за руль, не теряя ни секунды, и резко дёрнул его влево, уворачиваясь от грузовика, который всё ещё пытался развернуться.

Шины жалобно завизжали, запахло горелой резиной, но машина проскочила буквально в миллиметре от массивного кузова.

Сантана нырнула влево, выруливая обратно на трассу, и стрелка спидометра тут же поползла вверх.

Но не прошло и трёх минут, как впереди из окутанного туманом участка дороги донёсся глухой рёв моторов.

Они попали в ловушку.

План охотников оказался куда хитрее: сначала пойти за фальшивым Ци Ханем, специально засветиться, дождаться, когда настоящая цель решит, что опасность миновала, и только потом ударить из засады.

— Председатель, остановите машину! Нам надо выйти! — выкрикнул один из телохранителей с заднего сиденья. — Судя по звуку, там минимум семь-восемь мотоциклов. Если у них оружие, нас просто разнесут!

— Заткнись! — рявкнул Ци Хань, сжав руль так, что пальцы побелели. — Эти люди — смертники. Выйдешь — сразу труп.

Он стиснул зубы, чувствуя, как ладони липнут от холодного пота. Впереди сквозь туман уже проступали световые полосы фар, и если ничего не предпринять, их разнесут буквально в клочья.

Ци Хань резко вывернул руль, машина описала почти полный круг, развернувшись в обратном направлении. Колёса взвизгнули, но он даже не дрогнул, только бросил:

— Приготовьтесь, я пробьюсь через них.

Он вдавил педаль газа в пол, и старая Сантана рванула вперёд, набирая скорость.

— Ложитесь! — закричал один из телохранителей, и остальные судорожно припали к сиденьям, готовясь переждать очередь пуль.

Но Ци Хань неожиданно бросил:

— Не ложитесь. Отклонитесь назад.

— Чего? — один из них непонимающе моргнул.

Но ответа не последовало. Вместо него по ушам хлестнула режущая визгом резины и рёв моторов — мотоциклисты выскочили из тумана, подняв оружие, а Ци Хань, не сбавляя хода, повёл машину прямо на них.

И в тот же миг резко дёрнул руль, направляя Сантану на толстую сухую ветку.

Колёса налетели на неё, и в следующее мгновение машина взмыла в воздух, переваливаясь носом вперёд!

— Трах-бах-бах! — очередь из автоматов разнесла ночную тишину, но все пули ушли в днище. Телохранители инстинктивно завизжали и распластались по сиденьям, но в этот момент машина с грохотом рухнула обратно, на этот раз прямо в просвет между мотоциклами.

“Пять... четыре... три...” — отсчитывал про себя Ци Хань, ногой давя педаль газа до упора.

— Ложись! — выкрикнул он и сам резко пригнулся, срывая машину вбок.

Сантана приземлилась на дорогу так резко, что внутренности, казалось, вот-вот вылетят. Колёса жалобно завизжали, капот почти коснулся асфальта, но машина проскочила между мотоциклами, и в тот же миг пули просвистели буквально в сантиметре от крыши.

Телохранители лежали, ошарашенные и бледные, хватаясь за сердце.

Ци Хань первым пришёл в себя. Он оттолкнул водителя в сторону, быстро вытащил пистолет из-за пояса и бросил:

— Второй, стреляй! Четвёртый, по колёсам грузовика!

— Не убивать. Не ввязываться в бой. Бейте по правой руке!

На этом участке не было ни одной камеры. И в прогнозе на ночь значился ливень.

Дождь смывает все следы крови и пороха, и если никто не умрёт, то охотники за железами сами зачистят место происшествия. А тот мотоциклист, что сорвался с обрыва, будет всего лишь несчастным случаем.

Неожиданный манёвр с прыжком, очевидно, вывел мотоциклистов из равновесия. Их строй разорвался, несколько человек оказались отброшены в стороны, и телохранители тут же открыли огонь, целясь исключительно в руки.

Стрельба длилась не больше минуты, после чего они, тяжело дыша, вернулись в машину, захлопывая двери.

— Поехали! — рывкнул Ци Хань, снова вдавливая педаль газа.

Сантана сорвалась с места, и ревущий мотор разорвал ночную тишину, оставляя позади истерзанный асфальт и разбросанные гильзы.

Когда туман начал рассеиваться, Сантана снова тронулась с места.

Если не считать недавнего инцидента, вся операция прошла почти идеально.

Ци Хань выстроил для себя сразу три уровня защиты.

Первая линия обороны — это три фальшивых личности, которые участвовали в аукционе. В это же время в торговой палате шло онлайн-заседание, на котором якобы присутствовал и сам Ци Хань. На самом деле там крутили заранее записанное видео, так что никто и не догадывался, что он мог быть на аукционе.

Вторая линия обороны — даже если бы личность Ци Ханя раскрыли, по документам он приобрёл лишь два обычных антиквариата и никак не был связан с последним лотом — фарфоровой чашкой. Телохранители, что делали ставки, были новыми лицами, их легенда гласила, что они иностранные бизнесмены. Они уже этой ночью должны были покинуть страну.

И третья линия обороны — ливень и охотники за железами. Проливной дождь смывает все следы, а преступники, что уже имели криминальное прошлое, зачистят место происшествия. Никто не узнает, куда в итоге делась железа. Ци Хань планировал уехать с Фу Гэ за границу, сделать ему операцию и подарить новый статус омеги с чистыми документами.

Но всё это имело смысл только в том случае, если Фу Гэ ещё любил его.

Ци Хань был уверен почти на восемьдесят процентов, что всё пройдёт гладко и его не поймают.

Только вот, к сожалению, это был не тот финал, который хотел видеть Фу Гэ.

— Останови машину.

Водитель вздрогнул и тут же затормозил, оглянувшись через плечо.

— Председатель?

Ци Хань не ответил. Он только взял ящик с железой, стянул с руки кожаную перчатку зубами и, не раздумывая, приложил ладонь ко всем сторонам ящика, оставляя отпечатки пальцев.

— Но... это же... останутся ваши отпечатки! — телохранитель побледнел, подался вперёд, едва не хватая его за руку.

Ци Хань коротко усмехнулся:

— Я знаю.

Он открыл ящик, достал оттуда фарфоровую чашку и саму железу, запечатанную в вакуумный пакет. После этого опустил стекло, поднёс к окну ящик с его отпечатками и пистолет и небрежно выбросил их на обочину.

— Поехали... — тихо бросил он.

Три линии защиты были последней попыткой обрести свободу, последним рывком загнанного зверя. Но оставить ящик на месте преступления с собственными отпечатками — это был его единственный способ выполнить обещание, данное Фу Гэ.

Смиренно принять свою гибель.

Часы пробили полночь. Ливень хлынул с неба, тяжёлый, словно готовый смыть всё на своём пути.

Туман за спиной уже полностью рассеялся, но передние фары машины лишь беспомощно резали кромешную тьму. Дождь барабанил по крыше, заглушая всё вокруг, и Сантана молча утопала в ночи, утягивая с собой все надежды.

А тем временем, в одной из комнат больницы, озарённой всполохами молний, Фу Гэ сидел на балконе, молча глядя в стены дождя. Вода стекала по его плечам, пропитывая одежду, но он даже не думал заходить внутрь.

Он просто ждал, когда Ци Хань вернётся.

<http://bllate.org/book/14453/1278336>